

УДК 343.61

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О ДОВЕДЕНИИ ДО САМОУБИЙСТВА И СКЛОНЕНИИ К САМОУБИЙСТВУ

© 2019

А. И. Кокунов

Прокуратура Нижегородской области

Определяется соотношение двух криминообразующих понятий: склонение и доведение. Установлено, что склонению, в отличие от доведения, присущи признаки содержательности воздействия и наличия прямого умысла (специальной цели). Данное толкование способствует безошибочному применению уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 110 и 110¹ УК РФ. Кроме того, представлены рекомендации по корректировке указанных положений закона в целях обеспечения справедливой наказуемости соответствующих деяний.

Ключевые слова: склонение, доведение, криминообразующее понятие, коллизия.

А. И. Кокунов

Помощник прокурора Канавинского района
г. Нижнего Новгорода

Действующим уголовным законом запрещается склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства (ч. 1 ст. 110¹ УК РФ). Данная статья введена Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». Тем самым законодатель поддержал доктринальные предложения по конструированию состава склонения к самоубийству¹.

В первую очередь в связи с указанным законодательным решением перед правоприменителем возникает вопрос о соотношении двух криминообразующих понятий: «склонение» и «доведение». Оба понятия обозначают побудительное воздействие на другого человека, в результате которого у побуждаемого лица формируется намерение совершить самоубийство. Тем не менее данные понятия не являются идентичными.

Склонение обладает признаком содержательности воздействия. Это означает, что склоняющий должен презентовать склоняемому в доступной для его понимания форме необходимую модель поведения. По этой причине не является склонением формирование у лица отношения к кому-либо или чему-либо, приведение лица в эмоциональное состояние с расчетом на его реакцию, а равным образом иное воздействие, если склоняющий не раскрыл перед склоняемым объективную сторону предстоящего деяния.

Данный признак учитывается судебной практикой при разрешении вопроса о наличии в действиях лица признаков подстрекательства к преступлению. Характерен следующий пример. После совместного распития спиртных напитков между П. и М. возникла ссора, в ходе которой П. оскорбил М., за что М. нанес побои П. Подойдя к плававшему П., И. сказал: «Что ты распустил нюни? Иди, дай ему». П. взял доску, подошел к сидевшему М. сзади и с силой ударил его доской по голове, причинив тяжкий вред здоровью, от чего М. на следующий день скончался. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ состоявшаяся в отношении И. судебные решения отменила и производство по делу прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления, указав при этом, что если даже И. действительно посоветовал П. отомстить обидчику, то высказал это неопределенно, без конкретного нацеливания подростка на причинение потерпевшему тяжких телесных повреждений². В другом случае Верховный суд РФ не нашел возможности квалифицировать как подстрекательские действия лица, которое предложило другому лицу побить потерпевшего, притом что впоследствии совершены не побои, а разбойное нападение на потерпевшего³.

В учебной литературе при рассмотрении подстрекательства отсутствие необходимого признака содержательности иллюстрируется примером воздействия Яго на Отелло в трагедии Шекспира «Отелло»⁴. Также справедливо отмечается, что не являются подстрекательством «рассуждения о прелестях воровской жизни»⁵.

Поскольку подстрекательство определяется уголовным законом через термин «склонившее» (ч. 4 ст. 33 УК РФ), изложенное справедливо для всех уголовно-правовых запретов, основанных на понятии «склонение», включая предписание ст. 110¹ УК РФ.

Таким образом, склонение к самоубийству предполагает, что склоняющий в той или иной форме указывает склоняемому на самоубийство как на необходимое (желаемое для склоняющего) поведение. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства наступает и в том случае, если субъект, действуя установленными в законе способами, не высказывает и другим образом не обозначает самоубийство как возможную или необходимую модель поведения. В частности, жестокое обращение может не сопровождаться предложением совершить самоубийство, однако если потерпевший в результате такого обращения все же совершит самоубийство,

виновное лицо при наличии прочих оснований должно нести уголовную ответственность за доведение до самоубийства.

Другой признак, присущий исключительно склонению, – наличие у склоняющего прямого умысла и специальной цели (добиться совершения склоняемым деяния в соответствии с презентуемой ему моделью поведения). В отличие от склонения доведение допускает по отношению к последствиям в виде самоубийства или покушения на самоубийство косвенный умысел, а по мнению некоторых специалистов – и неосторожность⁶.

Сопоставление санкций ст. 110 УК РФ и ст. 109 УК РФ позволяет опровергнуть вывод о возможности привлечения к ответственности за неосторожное доведение до самоубийства. Так, ч. 1 ст. 109 УК РФ содержит санкцию с наиболее строгим видом наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет. Санкция ч. 1 ст. 110 УК РФ предполагает возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет. Представляется абсурдным нормативное положение, при котором неосторожное причинение смерти, опосредованное поведением потерпевшего (доведение до самоубийства), наказывается в несколько раз строже, чем непосредственное неосторожное причинение смерти.

Свидетельство невозможности привлечения к ответственности за неосторожное доведение до самоубийства можно обнаружить и в судебной практике: «Как следует из диспозиции ст. 110 УК РФ, она не содержит специального указания о неосторожной форме вины совершения данного преступления. Следовательно, в силу ч. 2 ст. 24 УК РФ исключается уголовная ответственность лица, совершившего по неосторожности доведение другого лица до самоубийства либо же до покушения на самоубийство»⁷. Примечательно, что в комментарии к УК РФ под редакцией В.М. Лебедева также со ссылкой на ч. 2 ст. 24 УК РФ делается прямо противоположный вывод о допустимости любой формы вины в структуре рассматриваемого состава преступления⁸. Аналогичное понимание смысла ч. 2 ст. 24 УК РФ отражено в п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»⁹.

В целом проблема двойственности трактовки ч. 2 ст. 24 УК РФ неоднократно обозначалась в литературе¹⁰. Так и дискуссия о субъективной стороне состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, длит-

ся довольно давно, но с учетом ужесточения санкции статьи и конструирования квалифицированного состава преступления следует признать ошибочным по крайней мере предположение о неосторожной форме вины¹¹.

Тем не менее по-прежнему нет никаких оснований исключать косвенный умысел в структуре состава доведения до самоубийства. Иными словами, субъект несет уголовную ответственность и в том случае, если он не желал совершения доведенным лицом самоубийства (покушения на самоубийство), но сознательно допускал наступление таких последствий или относился к ним безразлично. Подобное субъективное отношение не может характеризовать склонение, которое совершается исключительно с прямым умыслом.

Таким образом, склонению, в отличие от доведения, присущи признаки содержательности воздействия и наличия прямого умысла (специальной цели). Однако некоторые деяния отвечают как признакам склонения, так и признакам доведения до самоубийства. Например, систематическое унижение человеческого достоинства, сопровождающееся предложениями совершить самоубийство, одновременно является и склонением к самоубийству, и доведением до самоубийства.

Неизбежную коллизию запретов склонения к совершению самоубийства и доведения до самоубийства законодатель устранил путем введения в диспозицию ч. 1 ст. 110¹ УК РФ исключающей конструкции: «при отсутствии признаков доведения до самоубийства». Устранение коллизии является предусмотрительным решением, однако оно принято без должного учета перечня криминообразующих способов, форм и видов вины, санкций за совершение соответствующих деяний. В результате уголовно-правовое регулирование оказалось в некоторой части неадекватным. Например, если в отношении потерпевшего совершено целенаправленное побудительное воздействие с жестоким обращением, повлекшее его самоубийство, то квалифицировать содеянное как склонение невозможно, поскольку имеются признаки доведения до самоубийства. Исключающая конструкция не позволяет применить ст. 110¹ УК РФ. Таким образом, деяние подлежит квалификации по ч. 1 ст. 110 УК РФ, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы от 2 до 6 лет. В то же время если аналогичное деяние будет совершено не путем жестокого обращения, а простыми уговорами, что предопределяет существенно меньшую общественную опасность, то содеянное не образует состава дове-

дения до самоубийства. Следовательно, квалификация должна осуществляться по ч. 4 ст. 110¹ УК РФ с возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет. Теоретически возникающая проблема может быть решена путем согласования квалифицирующих признаков и соответствующих санкций, однако это весьма трудоемкий процесс, поскольку смоделировать и учесть все возможные комбинации обстоятельств практически невозможно. Более простое решение – переместить исключающую конструкцию из состава склонения к самоубийству в состав доведения до самоубийства. Это логичная мера, поскольку склонение как целенаправленное и содержательное воздействие представляется более опасным деянием по сравнению с доведением.

Таким образом, диспозиция ч. 1 ст. 110 УК РФ может выглядеть следующим образом: «доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства». С учетом действия исключающей конструкции доведение до самоубийства будет охватывать случаи неконкретизированного или нецеленаправленного воздействия, что по сути предполагает две модели преступления. Первая модель – субъект непосредственно не предлагает потерпевшему совершить самоубийство, но воздействует указанными способами с целью спровоцировать реакцию потерпевшего в виде самоубийства. Вторая модель – субъект не преследует цель добиться самоубийства потерпевшего, но, реализуя предусмотренные законом способы, сознательно допускает или относится безразлично к последствиям в виде самоубийства (покушения на самоубийство) потерпевшего. С учетом измененного объема запрета доведения до самоубийства, вероятно, будет уместным несколько скорректировать усиленную санкцию (ч. 2 ст. 110 УК РФ) в сторону смягчения наказания. ■

Библиографический список

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 12.
2. Воронин Ю.А., Лалац В.В. Установление субъективной стороны преступления в процессе квалификации доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 7 (266). С. 44–48.
3. Звечаровский И.Э., Иванов А.Л. Влияние неопределенности положений ст. 24 УК РФ на квалификацию

преступлений (на примере ст. 263.1 УК РФ) // Уголовное право. 2014. № 6. С. 22–24.

4. Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: Учебник для академического бакалавриата. В 2 т. 3–е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. Т. 2. 499 с.

5. Иногамова–Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно–правовых норм: Монография. М.: Инфра–М, 2015. 288 с.

6. Капинус О.С. Законодательные подходы к ответственности за самоубийство и смежные с ним деяния в России и за рубежом // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М.: Буквоед, 2008. С. 263–274.

7. Капинус О.С. Этаназия как социально–правовое явление: Монография. М.: Буквоед, 2006. 400 с.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / Под ред. А.В. Бриллиантова. 2–е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / Под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2017. Т. 2. 371 с.

10. Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 75–82.

11. Научно–практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2005. 919 с.

12. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9.

13. Постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 16.08.2013 по делу № 44–У–43. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198702208301202208864560983&cacheid=5A7B78211D0A2A34490DF277776FE9AA&mode=splus&base=SOPV&n=124728&rnd=0.5268410403584319#1vprjqu3v7wc> (дата обращения: 29.05.2019).

14. Сергеев Д.Н. Законотворчество в системе уголовно–правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 1. С. 125–132.

15. Уколова Ю.А. Форма вины при доведении до самоубийства // Российский следователь. 2007. № 12. С. 18–21.

16. Шарапов Р.Д., Дидрих М.П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. С. 81–90.

17. Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.

¹ См., например: Капинус О.С. Законодательные подходы к ответственности за самоубийство и смежные с ним деяния в России и за рубежом // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М., 2008. С. 263–274; Капинус О.С. Этаназия как социально–правовое явление: Монография. М., 2006. С. 166; Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 10.

² Научно–практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 75.

³ Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / Под ред. А.В. Бриллиантова. 2–е изд. М., 2015. Т. 1. С. 88.

⁵ Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: Учебник для академического бакалавриата. В 2 т. 3–е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 2. С. 34.

⁶ Воронин Ю.А., Лалац В.В. Установление субъективной стороны преступления в процессе квалификации доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Южно–Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 7 (266). С. 47; Уколова Ю.А. Форма вины при доведении до самоубийства // Российский следователь. 2007. № 12. С. 21; Шарапов Р.Д., Дидрих М.П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. С. 86.

⁷ Постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 16.08.2013 по делу № 44–У–43. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198702208301202208864560983&cacheid=5A7B78211D0A2A34490DF277776FE9AA&mode=splus&base=SOPV&n=124728&rnd=0.5268410403584319#1vprjqu3v7wc> (дата обращения: 29.05.2019).

⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2017. Т. 2. С. 70.

⁹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 12.

¹⁰ См., например: Звечаровский И.Э., Иванов А.Л. Влияние неопределенности положений ст. 24 УК РФ на квалификацию преступлений (на примере ст. 263.1 УК РФ) // Уголовное право. 2014. № 6. С. 22–24; Иногамова–Хегай Л.В.

Концептуальные основы конкуренции уголовно–правовых норм: Монография. М., 2015. С. 12; Сергеев Д.Н. Законо–творчество в системе уголовно–правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 1. С. 129.

¹¹ Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 79–80.

SOME PROBLEMS OF APPLYING CRIMINAL LAW IN RELATION TO CAUSING A PERSON TO COMMIT SUICIDE AND INDUCING SUICIDE

A. I. Kokunov

Assistant Prosecutor of the Kanavino district of Nizhny Novgorod

We examine the interrelation of two concepts related to crime commission: inducement and causing a person to commit suicide. It is established that inducement of suicide, in contrast to causing a person to commit suicide, has inherent characteristics of substantial influence and the presence of direct intent (special purpose). This interpretation helps to administer the penal prohibitions provided for in articles 110, 110¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. Some recommendations are presented on the adjustment of these provisions of the law in order to ensure fair punishment of the relevant acts.

Keywords: inducement, causing a person to commit suicide, criminological concept, conflict.